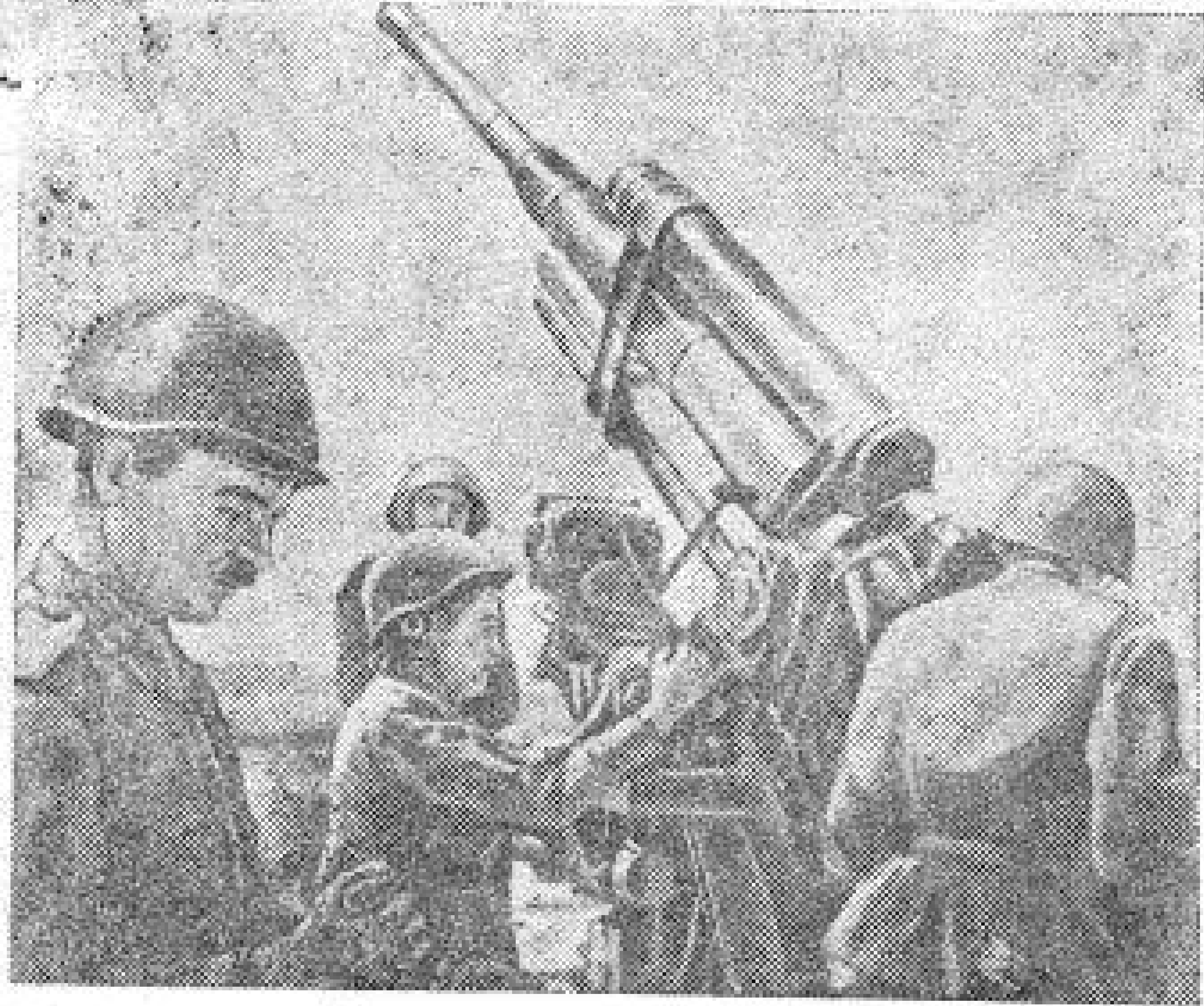

ДВА ГОДА

Илья ЭРЕНБУРГ

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ

На снимке: винный расчет командира орудия сержанта В. Т. Родина. На его счету 4 сбитых самолета противника. Во время одного из налетов на Курск винтики сбили „Юнкерс-88“. Фото К. Лышко.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 4 ИЮЛЯ

В течение 4 июля на фронте ничего существенного не произошло.

Нашей авиацией в Баренцовом море потоплен транспорт противника.

За истекшую неделю, с 27 июня по 3 июля включительно, в воздушных боях и огнем зенитной артиллерии уничтожено 66 немецких самолетов. Наши потери за это же время—18 самолетов.

В ночь на 3 июля наша авиация дальнего действия произвела налет на порты Темрюк и Керчь. Особенно сильной атаке наших бомбардировщиков были подвергнуты транспортные суда и самоходные баржи противника, находившиеся в это время в порту Темрюк. Экипажами наших самолетов наблюдались большие пожары и сильные взрывы. Прямым попаданием бомб потоплено несколько судов противника. Все наши самолеты вернулись на свои аэродромы.

На ЗАПАДНОМ фронте происходила редкая артиллерийская перестрелка. Наводчики орудий т. т. Елюхин, Гузей и Сысков уничтожили немецкую минометную батарею, разрушили 6 блиндажей и 2 ДЗОТа противника. Группа снайперов Н-ской части под руководством младшего сержанта Зайцева за последний месяц истребила 218 немецких солдат и офицеров. Сержант т. Зайцев уничтожил 32 гитлеровца, старший сержант т. Глянов за последние 5 дней истребил 9 немецких солдат.

На одном участке КАЛИНИНСКОГО фронта противник вновь предпринял попытки отвоювать высоту, занятую в конце июня нашими гвардейцами. Под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня 3 батальона эсэсовцев, поддерживаемые танками, атаковали наши позиции. Советские бойцы встретили врага огнем из всех видов оружия и вынудили его отступить. Вскоре немцы опять пошли в атаку, но контрударом наших подразделений вновь были отброшены с большими для них потерями. В результате боя подбито 4 немецких танка и уничтожено свыше 800 немецких солдат и офицеров.

Западнее РОСТОВА-на-ДОНУ командир орудия старшина Воеводский огнем с открытой позиции уничтожил 3 немецких блиндажа и пулемет с расчетом. На другом участке минометчики Н-ской гвардейской части огнем налетом уничтожили артиллерийскую ба-

тарею, рассеяли и частью уничтожили до роты пехоты противника. Наши летчики в воздушных боях сбивали 3 немецких самолета.

На ЛЕНИНГРАДСКОМ фронте снайперы наших подразделений истребили 80 гитлеровцев. Огнем нашей артиллерии разрушено 16 немецких ДЗОТов, 8 наблюдательных пунктов и 25 стрелковых ячеек. На одном участке разведчики обнаружили место расположения штаба немецкой части. Батарея, где командиром старший лейтенант Малцев, открыла огонь и разрушила дом, в котором помещался штаб противника.

Партизанский отряд действующий в одном из районов Барановичской области, пустил под откос немецкий воинский эшелон. В результате крушения разбит паровоз, 6 пассажирских вагонов и 2 платформы. Партизаны-разведчики установили, что из-под обломков вагонов извлечено 256 убитых и раненых гитлеровцев. Движение на этом участке дороги было приостановлено на несколько дней.

Перешедший на сторону Красной Армии солдат 56 немецкой пехотной дивизии Артур И. рассказал: „Я находился долгое время в Северной Африке, в отряде при штабе Роммеля. Летом 1942 года солдаты серьезно верили, что армия Роммеля до рождества захватит Суэц, Сирию, Иран, Ирак и соединится с немецкими войсками, оперировавшими на Кавказе. Однако вскоре все эти иллюзии рассеялись, как дым. Русские разгромили немецкие армии на Кавказе и на Кубани. Англичане также начали широкие наступательные операции. Мы потеряли почти все самолеты. Среди солдат началась паника. Резко упала дисциплина, участились случаи дезертирства и перехода на сторону англичан. В феврале я заболел, был направлен в Германию и более двух месяцев пролежал в госпитале в Мюнхене. В городе ходили упорные слухи, что в сдаче Тупаса виноваты итальянцы. Распространили эти слухи должностные лица нацистской партии и государственные чиновники, чтобы оправдать поражение немецких войск в Северной Африке.“

Москва выстояла. Уже немцы слали кинорепортеров. Уже немцы готовили газетные заголовки: „Парад бранденбургских grenadiers на Красной площади“. Уже были выгружены 210-миллиметровые пушки: предстояло раздробить Кремль. Тогда Россия ответила. Бранденбургские grenadiers, удиваясь, встали в снегу. Ожили Калуга, Калинин, Можайск, Елец. Но мы увидели виселицу в Волоколамске. Мы увидели развалины Истры. Стужа выжимала слезы из глаз. Но люди не плакали. Люди молчали. В их сердцах рождалась ненависть. Скрипел снег под сапогами. Красная Армия шла на Запад. У нее было еще много испытаний впереди.

Германия не могла расстаться с мечтой о господстве. Германия стала лихорадочно готовиться ко второму походу. Немцы захватили плодородную Украину, Донбасс, Харьков, Днепрпетровск. Они пытались затянуть петлю на шею Ленинграда. Жители Северной столицы пережили муки, о которых мы не забудем. Мы не забудем о голодных, замерзающих детях, не забудем о том, что людям было тогда не под силу даже похоронить мертвых. Каким чудом выстоял Ленинград? В нем билось русское сердце. Его кормила вера в народ. Его отогревала любовь народа.

Весной немцы снова двинулись на Восток. Они шли с 6-ствольными минометами. Всю зиму на них работали заводы поработавшей Европы. Они решили нанести нам смертельный удар, и небо

было черным от немецких бомбардировщиков. Они крошили Севастополь, отрезанный от мира. Что они взяли? Раздробленные камни, мусор, щебень—пустое место. Они двинулись к Дону. Они пригнали к нам вассалов и наемников. Шли невежественные, темные румыны—расфуфренные офицеры и вшивые солдаты. Шли венгерские гонимые, вероватные и пьяные, любители драк и танцев. Шли итальянцы, чернорубашечники и берсальеры, суеверные крестьяне с ладанками, наглые студенты, душившиеся газами эффионы, певцы и шакалята. Шли „легкомысленные“ босаки всех европейских столиц, завсегдатаи притонов, рецидивисты, продажные души, соблазненные марками и салом.

Базалось, они близки к победе. Они купали в Дону своих коней, они топтали кубанские степи. Дошли до Кавказа, показались на берегу Волги. Они уже торжествовали. Они уже везли складные катера, чтобы по ним подняться к Саратову, к Казани. Гитлер кичливо говорил: „Сталинград будет взят в ближайшие дни“. Бесноватый не понимал, чем станет для него это слово. Сталинград. Город-герой оборонялся против дикой империи. Напрасно над ним висели сотни немецких бомбардировщиков, напрасно его дробили немецкие орудия. Сталинград стал могилой немцев. Здесь впервые фашистская Германия после балных платьев примерила саван. Складные катера поехали на московскую выставку.

Началось наше второе наступление. Колбасники слетели с кавказских гор. Завоеватели, окруженные, закудзгали в Касторной, венгры проклинали румын, румыны проклинали венгров, и все они проклинали немцев. Не переводя духу, бежали итальянцы. На Кубани мы захватили вагоны с подковами для пустыни. Немцы объясняли: „Мы думали к весне дойти до Ирака“. Они убежали—не в Ирак—на Запад. За два месяца мы освободили территорию, равную большому европейскому государству. Мы уничтожили десятки немецких дивизий.

Отступая, немцы угодили женщин и детей. Они называют край, где побывали, „зоной пустыни“. Эти убийцы со знаком черепа на рукавах, с руками, замаранными кровью детей, жаждут одного: превратить весь мир в зону пустыни.

Мы все помним: и пепел Вязьмы, и развалины Воронежа, и слезы русских девушек в немецком плену, и лагерь Вертайш. Мы еще не рассчитались с немцами за два года горя, но теперь мы твердо знаем, что мы с ними рассчитаемся. Ненависть нас вначале душила. Она была, как хмель, теперь она стала холодной. Этот холод выстрадала жена, получившая весть о смерти их мужа. Этот холод выстрадала мать, глядя на замученных детишек. Этот холод выстрадала Россия, слушая слезы, вздохи, стоны, слушая тяжелое молчание беды.

Мы вступили в третий год войны. Нам тяжело. И мы этого не скрываем. Но мы уже предчувствуем утро победы. В 1941 году немцы думали, что война создана для экспорта, они считали, что смерть будет бредить за тридевять земель от их дома. Но вот под 4-х-

тонными бомбами рушатся немецкие города. Но вот война подбегает к самой Германии. „Война и здесь, война повсюду“,—пишет немка своему мужу. Вы посеяли ненависть далеко от вашей страны,—скажем мы немцам,—вы пожнете гнев у себя на полях Германии.

Мы знаем, что в Германии изнывают наши братья и сестры. Мы знаем, что снаряды продолжают терзать Ленинград. Мы знаем, что немецкие бомбардировщики убивают мирных жителей в Горьком, в Ярославле, в Саратове. Мы знаем все. Мы помним все. В дни затишья не затихает наш гнев. Мы живем одним: расправой.

Мы очень изменились за эти два года—и на фронте, и в тылу. Мы стали суровее и сложнее. Подростки стали взрослыми, старики стали по-молодому строгими. Мы очистились от многих грехов. Мы выжили беспечность. Мы проклинали равнодушие. Наши фронтовики научились воевать. Два года тому назад мы были смелыми. Мы стали и смелыми, и мудрыми. Мы поняли, что мало одной смелости, что нужны культура, порядок, чувство времени.

Нам нужно преодолеть еще много помех. Тыл должен удешевить заботу о семьях фронтовиков. Этого требует совесть народа. Тыл должен окружить любовью и заботой инвалидов войны—они наша слава, они должны найти место в жизни, и это место должно быть почетным. Тыл должен позаботиться о детях. Это—надежда страны. Это—наше будущее. Это то, за что умирают герои.

Россия знает, что ее судьба в надежных руках фронтовика. Самое трудное позади. Мы выстояли, когда нельзя было выстоять. Мы выстояли наперекоер всему. Теперь нам осталось победить, когда можно победить. Теперь у нас прекрасное оружие. Теперь у нас большой опыт. Теперь немцы вопят: „выстоим“. Но если у налетчиков бывает дерзость, у них никогда не бывает стойкости.

Не только ненависть к захватчикам поддерживает нас. Нас вдохновляет любовь к родной земле. Эту любовь мы еще острее почувствовали в дни войны. Она нам открылась в горе. Она нас приподнимает. Вспомним: мы воюем с низостью. Немцы говорят теперь, что мы их ненавидим за то, что они—немцы. Ложь! Мы не фашисты. Нам чужда расовая или национальная ревнь. Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что овцу съел. Мы ненавидим немцев, не за то что они родились немцами, а за все ими сделанное. Мы их ненавидим за то, что они—фашисты. Мы их ненавидим за то, что они посеяли в мире ненависть.

Любовь к родной стране, любовь к своему народу не сужает мир, она его расширяет. В дни испытаний мы нашли и находим чувства, чтобы понять горе поруганного Парижа, муки Праги, страшную судьбу югославов и норвежцев. Мир нам стал ближе, и мы стали ближе миру. Нашим мужеством вдохновляются люди Англии и Америки, герои поработавших Гитлером, но не укрощенных стран. Мы вступили в третий год войны не одни. С нами многие союзники. С нами все народы Европы, ее партизаны и мстители, с нами бессмертная и чистая свобода. В последней смертельной битве мы победим.